ИНТЕРВЬЮ, ПЕРСОНА

УДК 343.61

Меркачева Е.М. «Мултанское дело»: ритуальное убийство или чудовищная фальсификация? (Интервью с заслуженным деятелем науки Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором А.И. Чучаевым)

Ева Михайловна Меркачева[1]✉, Александр Иванович Чучаев[2]
[1]Газета «Московский комсомолец», Москва, Россия
[2]Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия
[1]roberteva@mail.ru✉
[2]moksha1@rambler.ru, SPIN-код: 6778-1871

Аннотация. В интервью идет речь о печально известном «мултанском деле» 1890-х гг., по которому группа вотяков была обвинена в совершении ритуального убийства с целью принесения человеческой жертвы языческим богам, показаны чудовищная фальсификация доказательств и нарушения законодательства как в процессе расследования происшествия, так и в процессе рассмотрения дела в судебных заседаниях, в том числе в Правительствующем Сенате, отражено участие в деле этнографов и судебных медиков, раскрыта роль писателя В.Г. Короленко, усилиями которого было достигнуто оправдание невиновных лиц, названы причины возникновения этого дела.

Ключевые слова: «Мултанское дело», вотяки (удмурты), человеческое жертвоприношение, этнографы, судебные медики, судебные процессы, оправдательный приговор

Для цитирования: Меркачева Е.М., Чучаев А.И. Меркачева Е.М. «Мултанское дело»: ритуальное убийство или чудовищная фальсификация? (Интервью с заслуженным деятелем науки Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором А.И. Чучаевым) // Правда и закон. 2025. № 3(33). С. 129–145.

Merkacheva E.M. The «multan case»: ritual murder or monstrous falsification? (Interview with honored scientist of the Russian Federation, doctor of law, professor A.I. Chuchaev)

Eva M. Merkacheva[1]✉, Aleksandr I. Chuchaev[2]
[1]Moskovsky Komsomolets newspaper, Moscow, Russia
[2]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[1]roberteva@mail.ru✉
[2]moksha1@rambler.ru, SPIN: 6778-1871

Abstract. The interview is devoted to the notorious Multan case, initiated in the 1890 s, when a group of Votyaks was accused of committing ritual murder with the aim of offering human sacrifice to pagan gods. The horrific tampering with evidence and violations of the law, which took place both during the investigation of the incident and the consideration of the case in court sessions, including those held in the Governing

© Меркачева Е.М., Чучаев А.И., 2025

Senate, are shown. The part taken by the ethnographers and medical examiners in the case is demonstrated as well. The role of V.G. Korolenko – the prominent writer, whose efforts contributed to the acquittal of the innocent, – is also revealed. Finally, the causes leading to the institution of the proceedings are discussed.

Keywords: Multan case, Votyaks (Udmurts), human sacrifice, ethnographers, medical examiners, trials, acquittal

For citation: Merkacheva E.M., Chuchaev A.I. Merkacheva E.M. The «multan case»: ritual murder or monstrous falsification? (Interview with honored scientist of the Russian Federation, doctor of law, professor A.I. Chuchaev) // Truth and law. 2025. № 3(33). P. 129–145.

Ошибки суда и следствия на Руси, как и в любом другом государстве, случались всегда. Но в некоторых случаях их было особенно трудно исправлять на фоне фальсификаций и мракобесия. Именно ими было вызвано знаменитое «Мултанское дело» – дело о якобы ритуальном убийстве крестьянина в с. Старый Мултан, совершенном ровно 133 года назад (рис.). Тогда на сельской дороге нашли обезглавленное тело, а вскоре на скамье подсудимых оказались более десяти местных жителей.

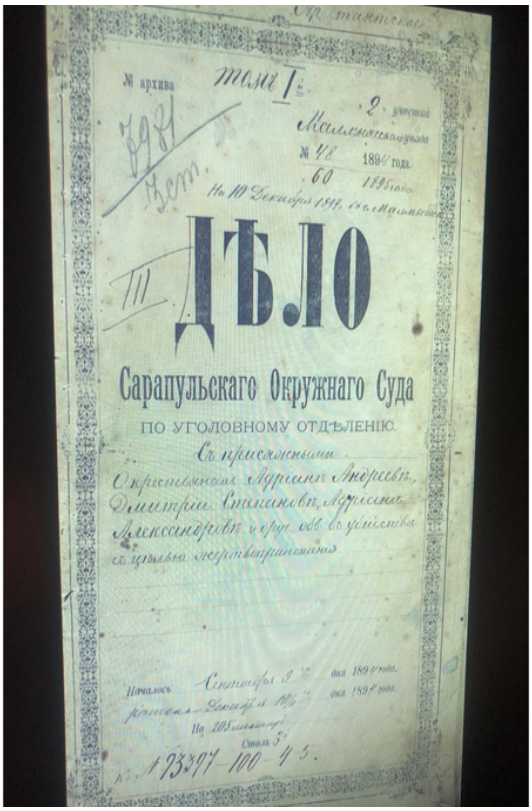

Рис. Обложка дела (фото: А.И. Чучаев)

Дело стало символом «кровавого навета», оно упоминается даже в Большой Российской энциклопедии. Автор статьи С.С. Алымов пишет: «Мултанским делом» называется судебный процесс, проходивший в Вятской губернии в 1892–1896 гг., 12 мужчин-вотяков (устаревшее название удмуртов) обвинялись в совершении ритуального убийства русского крестьянина, тело которого было найдено недалеко от с. Старый Мултан. В качестве свидетеля обвинения на процессе выступал профессор Казанского университета, этнограф И.Н. Смирнов. Специалист по народам Поволжья И.Н. Смирнов был последовательным эволюционистом. Он убежден, что вотяки в прошлом практиковали человеческие жертвоприношения, и указывал

на их пережитки в современной культуре этого народа. В ходе процесса высказался за то, чтобы признать убийство ритуальным жертвоприношением, ссылаясь на фольклор вотяков и других финно-угорских народов…»[1].

О «Мултанском деле» слышали многие, но до сих пор, кажется, никто не видел материалов расследования и судебного рассмотрения. Найти их удалось заведующему сектором Института государства и права Российской академии наук, доктору юридических наук, профессору Александру Ивановичу Чучаеву.

– Александр Иванович, почему Вас заинтересовало это старое дело?

– В одной точке соединились две, казалось бы, самостоятельные линии. Как-то совершенно случайно в руки попала автобиографическая трилогия русской писательницы Александры Яковлевны Бруштейн (Выгодской) «Дорога уходит в даль…» До этого я был знаком с одним из ее рассказов – «Весна» (1961), в котором достаточно подробно описано знаменитое дело Дрейфуса. Судебный процесс над ним состоялся в декабре 1894 г. во Франции, вызвал большой общественный резонанс. Офицер французского генерального штаба, еврей родом из Эльзаса Альфред Дрейфус, разжалованный военным судом и приговоренный к пожизненной ссылке, на основании фальшивых документов был признан виновным в шпионаже в пользу Германской империи.

Вначале в трилогии меня увлек язык автора: самобытный, яркий, передающий множество нюансов, которые мы, как правило, в обыденной жизни не замечаем… Зачитавшись, в рассказе «Рассветный час» обратил внимание на описание очень своеобразного уголовного дела. Повествование велось от имени главной героини. В газетном отрывке, в который был завернут завтрак одной из ее подруг, она прочитала: «…когда крестьянская девочка, Марфа Головизнина, бежала по лесу, она увидела лежащий поперек лесной тропы прикрытый азямом труп неизвестного мужчины. Труп был без головы, от которой уцелел только грязный клок волос…»[2]. Это была статья Владимира Галактионовича Короленко.

Примерно в то же время получил письмо коллеги из г. Ростова-на-Дону, которая, зная мой интерес к истории уголовного права вообще и так называемой юридической археологии (область правовой науки, которая включает в себя детальную историческую реконструкцию и анализ важных дел в частности), предлагала исследовать дело вотяков, обратив особое внимание на участие в судьбе обвиняемых В.Г. Короленко.

После этого я и стал знакомиться с материалами, опубликованными по делу, которое вошло в историю как «мултанское». Кстати, их объем очень велик. Достаточно сказать, что убийство и последующие события легли в основу художественного романа М. Петрова «Старый Мултан» (пер. с удмуртского. М., 1990; роман переведен в том числе на французский и венгерский языки), воплощены в пьесах, опере Г.М. Корепанова-Камского «Заговор», в изобразительном искусстве.

По этим событиям проводятся научные мероприятия[3], публикуются научные статьи. Даже защищена кандидатская диссертация «Отношение российской общественности и власти к мултанскому делу в конце XIX века» (Ижевск, 2002).

В рассказе В. Янчевецкого «Вотяки»[4] описывается встреча автора в лесу, недалеко от Старого Мултана, с мужиками, стерегущими труп мужчины. Это напомнило автору «мултанское дело». «Старый казенный лес, которым я сейчас шел и любовался, теперь стал казаться мне мрачным», – замечает он.

В 1939 г. с. Старый Мултан было переименовано в с. Короленко. В 1962 г. был организован музей «Вуж Мултан» («Старый Мултан»), располагавшийся в доме, в котором, по словам очевидцев, останавливался В.Г. Короленко, проводя собственное

[1] Алымов С.С. Мултанское дело. URL: https://bigenc.ru/c/multanskoe-delo-6b4d22 (дата обращения: 20.07.2025).
[2] Бруштейн А.Я. В рассветный час. М., 2020.
[3] См., например, Мултанское дело: история и современный взгляд: материалы науч.-практ. конф. Ижевск, 2000.
[4] Янчевецкий В. Вотяки // Записки пешехода: сб. рассказов. Ревель, 1901. Т. 1.

расследование убийства. В музее экспонировались свидетельства участников «мултанского дела».

Обстоятельства этого происшествия известны далеко за пределами России. Например, американский историк Роберт Джераси посвятил указанным событиям целую главу своей монографии [1, с. 243–274].

Но вот на что я обратил внимание: во всех публикациях нет практически исследования собственно уголовного дела, преобладает социально-политическая характеристика значения происшедшего (как убийства, так и осуждения невиновных). Между тем многие разночтения, имеющиеся в публикациях, можно устранить только исходя из материалов дела. Например, называется даже разное количество подсудимых: 10, 11, 12 и 14 человек.

Поиски уголовного дела начались с архивов Удмуртии, но они результатов не дали. Архивистами было высказано предположение, что если дело не уничтожено, то оно может находиться в архивах Кировской области. Но там его тоже не оказалось. Вероятно, поиски ничем бы и не закончились, если бы не помощь заместителя председателя Следственного комитета России, профессора А.В. Федорова, кстати сказать, также увлеченного историей. Он, в частности, исследует становление и развитие следственных органов в России, много и плодотворно занимается современными актуальными проблемами уголовного права (А.В. Федоров один из наиболее последовательных сторонников уголовной ответственности юридических лиц).

Дело оказалось в государственном архиве Татарстана. Это два небольших тома, содержащих основные процессуальные документы.

– *Раскройте обстоятельства дела.*

– Мне кажется, что лучше начать с обвинительного акта, утвержденного определением Казанской Судебной палаты 24 августа 1894 г., о предании суду Сарапульского окружного суда с участием присяжных заседателей из числа жителей с. Старого Мултана Старотрыкской волости Малмыжского уезда Андриана Андреева, 38 лет; Дмитрия Степанова, 31 год; Андриана Александрова, 43 года; Кузьмы Самсонова, 40 лет; Василия Кондратьева, 37 лет; Семена Иванова, 50 лет; Василия Кузьмина Кузнецова, 39 лет; Андрея Григорьева, 90 лет; Александра Ефимова (сверху приписано – умер); Тимофея и Максима Гавриловых за убийство с целью жертвоприношения.

В нем говорится: «Утром 6 мая 1892 г. на пешеходной дороге, не проезжей в летнее время, из д. Чульи в д. Аник Старотрыкской волости, в двух верстах от первой деревни и в трех верстах от с. Старого Мултана, на болотистой местности в податном лесном участке крестьян д. Чульи Марфой Куприяновой Головизниной усмотрен был труп неизвестного человека без головы. Труп лежал поперек дороги и замечен был Головизниной еще в полдень 5 мая, когда она проходила из д. Чульи в поч. Петровский, но тогда труп был прикрыт сверху полой азяма (верхняя одежда, напоминающая русский зипун. – прим. автора). Возвращаясь обратно, Головизнина нашла неизвестного лежащим на том же месте, только пола азяма была кем-то откинута и видно было отсутствие головы…

Вся обстановка, в которой был найден труп, – вдали от селений, отсутствие крови в окружности и беспорядок в одежде, особенно в обуви, не оставляет никакого сомнения, что труп перенесен сюда уже после убийства, причем невольно обращало на себя внимание нахождение трупа именно на пешеходной дороге, где присутствие его неминуемо рано или поздно должно было обнаружиться, тогда как окружающая лесная и болотистая местность благоприятствовала более удобному, если не полному сокрытию трупа от посторонних лиц».

– *Как шло расследование дела?*

– На месте происшествия урядник Соковников оказался лишь 7 мая. По найденным в валявшемся здесь же мешке документам было установлено, что убитый – крестьянин с. Завода Ныртов Конон Матюнин, страдавший падучей (эпилепсией). К моменту приезда урядника на тропинке около тела побывало уже

много людей, осматривавших его и разыскавших голову. Не трудно представить, до какой степени были затоптаны следы. Не составив протокола осмотра места происшествия, урядник сообщил о трупе судебному следователю 2-го участка Малмыжского уезда, при этом высказал предположение, что Матюнин убит удмуртами, ссылаясь на слова крестьян, присутствовавших при осмотре местности. Следователем место происшествия было осмотрено только после письменного указания товарища прокурора Н.И. Раевского 10 января 1893 г. Уже одно это обстоятельство говорит о качестве расследования. Что можно было найти там спустя практически 8 месяцев, зимой, сказать невозможно.

Становой пристав Тимофеев, исходя из слухов, согласно которым вотяки через каждые 40 лет приносят в жертву человека, задался целью доказать, что Матюнин был убит в с. Старом Мултане с целью принесения его в жертву языческим богам.

По показаниям свидетелей, Тимофеев получил в д. Чулье от сельского старосты взятку (100 руб.), после чего и распорядился перенести труп с земли д. Чульи, где он был найден, на землю с. Старого Мултана.

Во дворе крестьянина Моисея Дмитриева он обнаружил корыто, запачканное кровью, а в клети – полог с кровяными пятнами. Изъял их, не составив об этом протокола. Пол в молельном шалаше показался ему сырым и всего этого оказалось достаточным, чтобы взять Дмитриева под стражу (позже было установлено, что протекала крыша, спектральный анализ подтвердил отсутствие крови).

17 мая следователь Казанский прибыл в с. Старый Мултан, все следственные действия ограничил осмотром того же шалаша. После этого шалаш еще трижды подвергался осмотру и каждый раз находились волосы, которые демонстрировались в суде как доказательство, что убийство К. Матюнина произошло в этом шалаше (потом было установлено, что они не принадлежали покойному, а часть из них вообще относилась к животным).

3 июня были арестованы крестьяне Титов, Андреев, Яковлев, Степанов, Максимов, Петров и Терентьев. Все они являлись влиятельными среди вотяков лицами, участвовали во всех религиозных обрядах. Основанием для этого стали слова волостного старшины о том, что К. Матюнин зарезан в шалаше Дмитриева. 28 июня следователь вынес постановление о привлечении в качестве обвиняемых в убийстве Конона Матюнина для принесения его в жертву языческим богам Дмитриева, Петрова, Степанова, Титова, Максимова, Яковлева, Андреева, Гаврилова, Терентьева, Александрова и Иванова. В декабре обвинение было предъявлено еще одному вотяку – Самсонову, у которого на рубахе и штанах были пятна крови (что не мудрено – он был мясником, но никого это не смутило. Кроме того, вещи были изъяты через семь месяцев после того, как было совершено убийство).

Собранных за 15 месяцев доказательств оказалось недостаточно для направления дела в суд, поэтому следствие длилось еще 12 месяцев.

В конце 1893 г. новая следственная группа – пристав 4-го стана Шмелев и урядник Иванов нашли новые «улики». Ряд допрошенных ими лиц, ранее ничего не знавших о случившемся, дали нужные для обвинения показания. Среди них был и арестант Голов, неоднократно судимый за мошенничество и клевету; он стал основным свидетелем по делу, его показания легли в основание признания подсудимых виновными.

Шатенштейн Л.С. указывает еще на одно обстоятельство, свидетельствующее о грубом нарушении порядка допроса свидетелей. Спекулируя на суеверных чувствах вотяков, пристав заставлял их приносить присягу перед чучелом медведя, целовать его морду, пролезать под дугой и проделывать ряд других «очистительных» операций [2, с. 5].

Только 27 июля 1894 г. Н.И. Раевский составил обвинительный акт по делу. Уголовное преследование в отношении Дмитриева, его жены (они к этому времени умерли), Петрова, Терентьева, Максимова, Яковлева и Титова было прекращено из-за отсутствия улик. Если отвлечься от указанного процессуального акта, то ситуация с освобождением Титова выглядит совершенно иначе. С ним была

договоренность, что он даст показания против подсудимых и таким образом явится основным свидетелем обвинения. Каковы были истинные мотивы поведения Титова, сейчас уже сказать невозможно, но он не оправдал надежд следствия: в суде, объясняя изменение показаний, заявил, что дал их в результате побоев и истязаний.

Вряд ли есть необходимость акцентировать внимание на всех упущениях следствия (а только ли упущения это?). Остановимся лишь на некоторых моментах.

Самое главное: ряд свидетелей показал, что накануне убийства К. Матюнин находился не в с. Старом Мултане, а в с. Кузнерка. Хозяин дома, где он ночевал, подтвердил это. Следовательно, уже одно это исключает версию убийства в с. Старый Мултан.

Случайно ли были затоптаны следы? Вряд ли. Они вели из д. Чульи (может быть поэтому труп переносили на другое место за мзду?), если бы они были из с. Старый Мултан, вполне можно предположить, что они бы сохранились… На месте обнаружения тела валялись окровавленные щепки, пристав их уничтожил как не имеющие отношение к произошедшему, не указав это в протоколе (на самом деле, они «опрокидывали» версию следствия: коль скоро была кровь на месте обнаружения тела, то не было кровопускания в шалаше).

В промежуток между обнаружением трупа Головизниной и приездом урядника кто-то переодевал тело, так как при осмотре азям уже находился за лямками котомки (вероятно, это сделано для того, чтобы было видно отсутствие головы). Но следствие не заинтересовал этот момент.

Особенно много вопросов возникает по поводу того, как труп оказался на тропинке. По мнению следствия, его вывез Дмитриев днем на телеге. Во-первых, вряд ли было разумно поступать таким образом: дело было днем, его могли видеть. Во-вторых, все, кто ссылается на это, говорят не о трупе, а о какой-то клади, покрытой пологом. Следствие не выяснило, почему он направлялся не в сторону д. Чульи, где был обнаружен труп, а в другую сторону.

О противоречиях в показаниях так называемых свидетелей и говорить не приходится. Их полный анализ, осуществленный защитником по делу, можно посмотреть в работе «Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам» [3].

– Как возникла версия убийства с целью жертвоприношения?

– Следствие особо не утруждало себя обоснованием этого обстоятельства. В этом нетрудно убедиться, обратившись к тому же обвинительному акту, в котором утверждается: «…нищенское состояние покойного, не имевшего никаких ценностей, на которые мог бы польститься убийца, наконец, целость всей бывшей с ним одежды, оставление трупа на дороге, где присутствие его не могло быть незамеченным, и главным образом, самый способ убийства, соединенный с обескровлением трупа и вырезанием из него грудных внутренностей и головы, указывали, что убийство К. Матюнина совершено умышленно и при том с какой-либо особой религиозной или суеверной целью, для которой необходимы были кровь покойного и его внутренности.

Такой целью, по собранным сведениям, могло быть единственно принесение его в жертву вотским языческим богам, для которых нужны как внутренности, так и кровь приносимой жертвы.

Сами вотяки, в том числе и обвиняемые, признают существование среди них, особенно в северной части Малмыжского уезда, наряду с христианским вероучением, остатков прежних их верований в языческих богов…»

Но вот что установил священник И. Анисимов, по поручению Сарапульского духовного правления проводивший в 1895 г. собственное расследование. Материалы расследования («записки») недавно предал огласке В.С. Воронцов. Приведем их, немного сократив объяснения:

– священник П.И. Трапицын: «…вотяки прихожане говорят, не может быть, чтобы вотяк убил человека с целью принесения жертвы»;

– священник П.А. Тукмачев: «…вотяки по храму божьему усердны, исполняют христианский долг исповеди и причащаются… Таковых фактов (ритуальных

убийств. – прим. автора) в течение почти 40-летней службы в с. Старый Мултан никогда не было слышно»;

– священник И.А. Ергин: «…вотяки прихода старомултанского все христиане… На суде мною описаны были жертвы скотины…» [4, с. 484–490].

Таким образом, никто из них не знал о существовании у вотяков человеческого жертвоприношения.

– К участию в деле в качестве экспертов были привлечены этнографы, какова была их позиция?

– В судебном процессе по ходатайству обвинения участвовал ведущий специалист по истории и культуре финно-угорских народов Поволжья, профессор Казанского университета И.Н. Смирнов. В роли эксперта-этнографа он выступал на заседании суда в г. Елабуге (1895) и г. Мамадыше (1896). По мнению современных исследователей, процесс стал для него одновременно и триумфом, и трагедией. Короленко В.Г. обвинил И.Н. Смирнова не только в некомпетентности в верованиях удмуртов, но и в преднамеренной фальсификации фактов («…представителю ученой экспертизы… приходилось ссылаться не на факты, а на сказки и при том не вотского, а черемисского (марийского – прим. автора) народа, который в каннибализме никем не обвинялся»). Короленко В.Г. считал, что «…этому господину едва ли снять с себя когда-нибудь позорное пятно, наложенное мултанским делом!» [5, с. 44].

Позиция И.Н. Смирнова на суде является трудно объяснимой. С одной стороны, по его мнению, обстоятельства дела не сопрягались с обычаями «вотяцких жертвоприношений» (а то, что они практиковались, у него не было сомнений). Так, сначала он утверждал, что в шалаше при жертвоприношении не могли присутствовать представители разных родов. Но с другой стороны, соглашался с обвинителем и председательствующим, коль скоро они неоднократно указывали это место убийство.

Верещагин Г.Е. – коренной удмурт, собиратель ценных материалов по этнографии вотяков, будучи приглашенным экспертом-этнографом со стороны защиты (участвовал на последнем заседании), также не был согласен с выводами И.Н. Смирнова.

Согласно докладу другого исследователя – П.Н. Луппова, который был сделан им в отделении этнографии Императорского Русского географического общества, на основании архивных данных XVIII в. Св. Синода и Вятской духовной консистории (орган епархиального управления), не было установлено ни одного случая человеческого жертвоприношения. Все жертвенные моления вотяков сопровождались принесением в жертву домашних животных.

Наличие указанного обряда у вотяков отрицали многие этнографы. Так, в Томском обществе естествоиспытателей и врачей С.К. Кузнецов, кстати, уроженец этих же мест, бывший секретарь Казанского общества истории, археологии и этнографии, автор ряда интересных статей по этнографии, много раз лично присутствовавший на молениях земляков, выступил с докладом, в котором убедительно доказал отсутствие у вотяков человеческого жертвоприношения.

Другой этнограф в достаточно объемном и насыщенном конкретным материалом исследовании делает вывод: «…целый ряд фактов, устанавливаемых обвинением, направленным против мултанцев, будучи рассмотрен в свете этнографических данных, дает возможность к высказанному в печати предположению о том, что загадочное дело мултанских вотяков есть грубая подделка под ритуал вотяцкого жертвоприношения» [6, с. 96].

Признание в судебном порядке наличия в веровании вотяков человеческого жертвоприношения имело значение, далеко выходящее за рамки конкретного уголовного дела. «Создается прецедент, несомненно возбуждающий враждебные чувства к вотякам в местном русском, татарском и чувашском населении», – пишет публицист и социолог С.Н. Южаков [7, с. 156].

– Как известно, по делам об убийствах существенное значение имеет заключение судебно-медицинской экспертизы. Какое мнение высказывалось судебными медиками?

– Это, пожалуй, отдельная история, не менее сложная, чем само дело об убийстве. Например, в Елабужском суде на процессе были допрошены три судебно-медицинских эксперта, мнения которых не совпадали в основном: каков механизм причинения смерти; другими словами, как было совершено убийство. Например, производивший вскрытие врач Минкевич утверждал, что «повреждения… могли произойти… от подвешивания за ноги во время убийства с целью обескровить труп… (как, например, при жертвоприношениях вотских)». Вот только одна маленькая деталь: рост убитого и высота шалаша, в котором якобы было совершено убийство, исключали подвешивание, на чем настаивало следствие. А затем Минкевич вообще опроверг свое же заключение, заявив, что исследование трупа исключает какие-либо признаки жертвоприношения и свидетельствует об осквернении тела.

Даже количество ножевых ран на теле не было определено точно: разными судебными медиками их называлось от 3 до 10. Вскрытие трупа было произведено только через месяц после его обнаружения.

Не буду вдаваться во все детали медицинских экспертиз, остановлюсь только на дискуссии, возникшей между судебным врачом Э.Ф. Беллиным и профессором судебной медицины Ф.А. Патенко (последний приезжал в г. Мамадыш на третье рассмотрение дела). Беллину Э.Ф. было прислано это дело «как одному из немногих известных судебных врачей для заключения по специальной судебно-медицинской стороне его» [8]. По результатам исследования Э.Ф. Беллин вначале опубликовал в газете «Врач» [9], а затем отдельной книжкой издал свои рассуждения «Судебно-медицинская экспертиза в деле мултанских вотяков, обвиняемых в принесении человеческой жертвы языческим богам» [10].

Патенко Ф.А. представил анализ заключения Э.Ф. Беллина, обратив внимание на имеющиеся противоречия и неточности [11].

Беллин Э.Ф. публикует «Ответ г. профессору судебной медицины Ф.А. Патенко, на статью его, написанную по поводу моей судебно-медицинской экспертизы по делу о Мултанских вотяках, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам» [12].

Позднее к этой дискуссии присоединился приват-доцент Д. Косоротов, в статье которого, опубликованной в «Больничной газете Боткина» [13], также указывалось на расхождения между заключениями экспертов и протоколами осмотра трупа и его вскрытия, бездоказательные выводы эксперта.

Уже после оправдания невиновных, в 1897 г. Ф.А. Патенко, основываясь на материалах расследования, проведенного В.Г. Короленко, пришел к тому же выводу, что и писатель: убийство совершено другими. Имена убийц обнародовал в 1932 г. историк-этнограф Михаил Худяков. Ими, по его мнению, были Тимофей Васюкин и Яков Конешин из д. Аныk. За совершенное воровство они были изгнаны из д. Аныk, просили принять их в с. Старый Мултан, но мултанцы отказали им, тогда они пригрозили отомстить. Один из них перед смертью якобы признался в убийстве священнику П.А. Тукмачеву.

Конечно, сводить мотив убийства к мести, значит не видеть главного мотивообразующего обстоятельства: в основе всего лежит ряд факторов, желание убийством добиться выселения мултанцев, чтобы занять их плодородные земли, выгодно отличающиеся от угодий близлежащих сел, – только одна из причин. Именно она обусловливала постоянные тяжбы крестьян соседних деревень из-за земли, пастбищ и покосов.

– Как шел судебный процесс?

– Первый раз дело рассматривалось в Сарапульском окружном суде 8 августа 1894 г. с участием присяжных заседателей, председательствовал Н.А. Горицкий, обвинение поддерживал товарищ прокурора Н.И. Раевский, защиту осуществлял частный поверенный М.И. Дрягин.

Присяжные заседатели, большинство из которых были крестьяне, и коронный суд (состоял из судей, назначаемых пожизненно императором) признали установленным факт убийства с целью человеческого жертвоприношения. Большинство подсудимых осуждены к наказанию в виде каторжных работ на срок от восьми до десяти лет и ссылке в Сибирь, трое были оправданы.

В связи с этим приговором защитник предпринял два принципиальных шага: во-первых, внес замечания на протокол судебного заседания, который был неполон, в нем были существенные искажения показаний подсудимых и свидетелей (почти все они были отклонены); во-вторых, подал обстоятельную, хорошо аргументированную кассационную жалобу в Сенат, в которой подробно описал все нарушения Устава уголовного судопроизводства.

В кассационном порядке дело рассматривалось с 15 апреля по 5 мая 1895 г. Сенат отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение в тот же Сарапульский окружной суд «в другом составе присутствия, в другом ближайшем от места нахождения подсудимых и свидетелей городе, например, в Елабуге». Сенат пришел к выводу, что были допущены существенные нарушения, перечень которых оказался внушительным: ущемление прав защиты при допросе свидетелей и оценке достоверности их показаний, при оценке вещественных доказательств, в частности седых волос, обнаруженных, как было указано, при «обысках в разное время и причем весьма отдаленное со дня смерти К. Матюнина». Но главное, как кажется, было указание на то, что «в обвинительном акте не было явно и точно установлено самое существование между вотяками человеческих жертвоприношений и не были указаны с достаточной полнотой фактические основания для обвинения каждого из… подсудимых в тяжком, влекущем за собой уголовное наказание, преступлении» [14, с. 188, 189].

Прогрессивная часть российской интеллигенции в приговоре увидела нечто большее, чем просто необоснованное осуждение вотяков. Например, В.Г. Короленко писал: «Это обвинение против самого культурного типа не одних вотяков, но и их соседей, не способных вековым общением облагородить соседа инородца, хотя бы до степени невозможности каннибализма в культурной атмосфере, которой они дышат сообща!» [15, с. 343].

Второй процесс, как и предписывалось, начался в г. Елабуге 19 августа 1895 г. Два дня (19 августа и 19 сентября) суд рассматривал в распорядительном заседании ходатайства. Как можно догадаться, он отказал во всем защите, в том числе в вызове эксперта-этнографа П.М. Богаевского, но зато удовлетворил все просьбы обвинения. Можно ли при этих обстоятельствах говорить о равноправии сторон? Плюс ко всему в обоих заседаниях принимал участие тот же судья, что постановил первый обвинительный приговор.

По существу, дело рассматривалось уже под председательством товарища председателя Сарапульского окружного суда И.А. Ивановского. Старшиной присяжных заседателей был елабужский миллионер А.К. Стахеев, обвинение представлял тот же прокурор Н.И. Раевский. Подсудимые вновь были признаны виновными в совершении убийства с целью человеческого жертвоприношения и приговорены к длительным срокам каторжных работ и ссылке в отдаленные места Сибири. «Приговор, вполне несправедливый и возмутивший всю публику, – результат предрассудков улицы и шулерства чиновников…» [16, с. 193].

Защитник вновь обратился с кассационной жалобой в Сенат, а В.Г. Короленко встретился с председателем Санкт-Петербургского юридического общества профессором И.Я. Фойницким, известным адвокатом К.К. Арсеньевым с просьбой оказать юридическую помощь, уговорил присяжного поверенного Н.П. Карабчевского выступить в уголовном кассационном департаменте Сената (кстати сказать, последний не только выступил, но и отказался от гонорара).

Сенат отменил приговор суда по тем же основаниям, что и в первый раз. По сути, он пришел к выводу, что «мултанское дело» представляет собой явную

судебную фальсификацию, призванную скрыть все недозволенные методы предварительного расследования.

Третий раз судебный процесс проходил в уездном г. Мамадыше Казанской губернии (защите было дважды отказано в слушании дела непосредственно в г. Казани, что могло бы повлиять на состав присяжных). Суд трижды отказывал в вызове дополнительных свидетелей, в допуске в качестве экспертов профессора К.М. Леонтьева из г. Казани, профессора Ф.А. Патенко из г. Харькова, приват-доцента С.К. Кузнецова из г. Томска. В то же время ожидаемо суд удовлетворил все ходатайства обвинения. Обвинение поддерживали тот же Н.И. Раевский и по специальному поручению товарищ прокурора Казанской судебной палаты Симонов. Защиту осуществляли присяжные поверенные Н.П. Карабчевский, П.М. Красников, частный поверенный М.И. Дрягин и В.Г. Короленко.

Судебное следствие продолжалось шесть дней, прения сторон – два дня. Прокуроры выступали по два раза, поддержав предъявленное обвинение в полном объеме. У представителей защиты функции были распределены следующим образом: Дрягин представил анализ фактических обстоятельств происшедшего, Красиков – медицинских заключений. Карабчевский Н.П. и Короленко В.Г. также выступали по два раза. В многочасовой речи Н.П. Карабчевский, как говорят в народе, камня на камне не оставил от доказательств, показал противоречия в объяснениях свидетелей, некомпетентность экспертов, непрофессиональный сыск, недопустимые приемы расследования (пытки и кощунственная в своей сути присяга). «Большое горе и несчастье – преступление, – говорил присяжный поверенный, – но преступные и безнравственные приемы расследования – еще большее горе и несчастье. Это аксиома, которой проникнут весь гуманный дух наших уставов» [17, с. 391].

Короленко В.Г. предстал на процессе скорее не как защитник, а как эксперт-этнограф, показав глубокие познания в мифологии, фольклоре вотяков, их обрядов, раскрыл эволюцию языческих религий.

Благодаря усилиям защиты, общественному вниманию обвиняемые были оправданы.

Кстати сказать, перед третьим процессом А.Н. Баранов обратился с просьбой к Л.Н. Толстому высказаться по делу вотяков в печати. Ответ он получил, когда оправдание уже состоялось. Толстой Л.Н. писал: «…получил Ваши письма и материалы по Мултанскому делу. Я и прежде знал про него и читал то, что было написано. Не думаю, чтобы мое мнение по этому делу могло повлиять на судей или присяжных, в особенности потому, что оно таково, что несчастные вотяки должны быть оправданы и освобождены независимо от того, совершили они или не совершили то дело, в котором они обвиняются. Кроме того, надеюсь, с помощью тех разумных и гуманных людей, которые возмущены этим делом и стоят за оправдание, это состоится или уже состоялось…» [18, с. 255].

– Все разрешилось благополучно…

– К сожалению, не все так просто.

Во-первых, некоторые из подозреваемых не дожили до оправдательного приговора.

Во-вторых, подсудимые были оправданы, но травля вотяков не прекратилась. На этом этапе к ней подключилась пресса, в частности «Московские ведомости», «Новое время» и другие издания. Эта травля подробно описана в письме В.Г. Короленко А.Ф. Кони.

Укажу лишь один момент из этого письма. На X съезде естествоиспытателей и врачей священник Н.Н. Блинов привел «доказательства» якобы существования человеческих жертвоприношений среди вотяков. Затем он издал книжку «Языческий культ вотяков» (г. Вятка, 1898). По характеристике В.Г. Короленко, «глубочайшее невежество, грубые искажения печатных текстов и крайнее, почти ребяческое легковерие к тем самым «толкам и слухам», которые так трудно было разоблачить во время процесса и которые, однако, были, в конце концов, разоблачены, – таковы черты этой работы, прекрасно дополняющей инквизиционную картину» [19, с. 294].

Кстати сказать, на судебном процессе Н.Н. Блинов «не выступал ни за, ни против вотяков…» [20, с. 186].

Короленко В.Г. обращает внимание еще на один аспект проблемы, вскрывшийся после процесса. В судебном заседании обвинитель Н.И. Раевский утверждал, что только благодаря взяточничеству прежних судов человеческие жертвоприношения оставались нераскрытыми. Блинов Н.Н. также настаивал, что до «мултанского дела» там же власти сами укрыли заведомое убийство, что «обошлось недешево вотякам». Писатель в связи с этим задается вопросом: материал напечатан в газете «Вятка», значит прошел цензуру, книга продается в официальном учреждении, следовательно, в укрытии «жертвоприношения» или иного убийства повинна уже вся администрация?

Речь, скорее всего, идет о двух убийствах, одно из которых было совершено в 1848 г., другое – в 1854 г. По первому делу обвиняли жителей д. Новая Бия Волипельгинской волости (сейчас Вавожский район Удмуртии), по второму – жителей с. Пазял Жикья той же волости.

– А какова была позиция Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената?

– Первый раз, отменяя приговор, кассационный департамент как раз и отметил, что по делу «не доказано самое существование среди вотяков человеческих жертвоприношений».

Заключение по делу готовил А.Ф. Кони, в то время вновь исполнявший обязанности обер-прокурора этого департамента. Поэтому, как мне кажется, лучше привести его оценки ситуации.

Кони А.Ф. отмечает: «Из преданных Сарапульскому окружному суду присяжными признаны виновными семь подсудимых, приговоренных к каторжным работам. Рассмотрев принесенную на этот приговор кассационную жалобу, Сенат нашел, что при производстве дела было нарушено равноправие сторон и, вопреки требованию закона, допущены показания свидетелей «по слуху», – и отменил состоявшийся приговор, передав дело для слушания в г. Елабугу. Там тоже последовало обвинительное решение присяжных заседателей, состоявшееся при целом ряде нарушений, препятствовавших всестороннему рассмотрению и правильному разрешению вопроса о действительном существовании человеческого жертвоприношения вотяков как двигающего побуждения обвиняемых. На это решение была опять принесена кассационная жалоба защитника подсудимых. Рассмотрение ее состоялось 22 декабря 1895 г. при большом стечении публики. Ввиду важности этого дела и повторности нарушений, шедших вразрез с истинными целями правосудия, я высказал в моем обер-прокурорском заключении, что нарушения, допущенные при ведении уголовных дел в суде, представляют особую важность в тех случаях, где суду приходится иметь дело с исключительно общественными и бытовыми явлениями, и где вместе с признанием виновности подсудимых судебным приговором установляется и закрепляется как руководящее указание для будущего существование какого-либо мрачного явления в народной или общественной жизни, послужившего источником или основанием для преступления. Таковы дела о новых сектах, опирающихся на вредные или безнравственные догматы и учения; дела о местных обычаях, приобретающих с точки зрения уголовного дела значения преступления, как, например, насильственный увод девиц для брака, родовое кровомщение и т.п.; таковы дела об организованных обществах для систематического истребления детей, принимаемых на воспитание, дела о ритуальных убийствах и человеческих жертвоприношениях и т.д. В этого рода делах суд обязан с особой точностью и строгостью выполнить все предписания закона, направленные на получение правосудного решения, памятуя, что приговор его является не только решением судьбы подсудимого, но и точкой опоры для будущих судебных преследований и вместе с тем доказательством существования такого печального явления, самое признание которого судом устраняет на будущее время сомнение в наличности источника для известных преступлений исключительно бытового

и религиозного характера в той или другой части населения. Усматривая в деле четыре коренных нарушения в разных стадиях процесса, разобрав их подробно и указав на полное неприличие представленного Сенату объяснения председательствующего о том, что принесение в жертву языческим богам К. Матюнина отрицается лишь только бывшим на суде представителем прессы, корреспондентами, да защитником, домогающимися во что бы то ни стало оправдания всех подсудимых, которого они, быть может, когда-нибудь и добьются, я предложил Сенату вторично кассировать (отменить – прим. автора) приговор по мультанскому делу и передать его для нового рассмотрения в Казанский окружной суд <…> [21, с. 491].

Сказано А.Ф. Кони несколько казенно, но суть, разумеется, понятна.

– Как была воспринята отмена приговора во второй раз?

– По сообщению А.Ф. Кони, с большим неудовольствием. После первой отмены министр юстиции Н.В. Муравьев выразил недоумение по поводу слишком строгого отношения Сената к допущенным судом нарушениям. Но при этом его волновало, кажется, только одно: что он скажет Государю, если тот поинтересуется этим делом. Муравьев Н.В. допускал, что императору о нем сообщит К.П. Победоносцев (член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего Синода, преподаватель законоведения наследникам престола), которому особо не понравился ряд мест заключения. Ответ А.Ф. Кони был прост: кассационный суд для того и существует, чтобы отменять приговоры, постановленные с нарушением коренных условий правосудия, сколько бы раз эти нарушения не повторялись.

– А теперь, собственно, конкретнее о роли В.Г. Короленко в этом деле.

– Начну, пожалуй, с высказывания М. Горького. Он писал: «Мултанское жертвоприношение» вотяков – процесс не менее позорный, чем дело Бейлиса, принял бы еще более мрачный характер, если б В.Г. Короленко не вмешался в этот процесс и не заставил прессу обратить внимание на идиотское мракобесие» [22, с. 411]. Дело Менахина-Менделя Бейлиса, по своей сути и чудовищности обвинения, похоже на дело вотяков, он также обвинялся в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища, провел два года в тюрьме. Процесс, с одной стороны, проходил в условиях активной антисемитской кампании, с другой – сопровождался общественными протестами всероссийского и мирового масштаба.

Роль В.Г. Короленко в этом деле, как видим, оценивается очень высоко, с его именем связывается само оправдание подсудимых. Во-первых, как уже говорилось, он «возвысил голос» в защиту вотяков как журналист, «к штыку приравняв перо». Используя прессу в первую очередь общественно-политический, литературный и научный журнал «Русское богатство», издававшийся в Санкт-Петербурге в 1876–1918 гг., с которым он в начале сотрудничал, а потом одно время и редактировал его, привлек внимание к процессу передовой общественности. По его статьям, отчетам с судебного процесса, анализу высказываемых позиций на страницах средств массовой информации можно видеть, как писатель, с одной стороны, неистово, с другой – последовательно, аргументировано, пожалуй, даже академично отстаивал интересы оболганных вотяков.

Свое решение принять участие в этом деле он описывает так: «По приглашению моих товарищей, работающих в провинциальной печати и хорошо знакомых с бытовой подкладкой этого дела, я приехал в г. Елабугу, намереваясь впоследствии изложить в печати свои впечатления. Здесь я застал еще двух корреспондентов: А.Н. Баранова и В.И. Суходеева. Вскоре же после начала заседания мы пришли к заключению, что отрывочных заметок недостаточно, что «впечатления» играют лишь второстепенную роль, что лучшая услуга, какую пресса может оказать в этом деле, это – дать по возможности полное и точное изображение хотя бы одной стадии этого таинственного, запутанного и радикально испорченного дела» [19, с. 365].

Стенографиста не было, поэтому они втроем записывали все, что происходило на суде.

Во-вторых, В.Г. Короленко выступил как защитник подсудимых (в первый и последний раз в жизни); более того, проведя собственное расследование происшедшего, фактически установил истинных виновных в преступлении. Как уже говорилось, впоследствии к такому же выводу пришел и эксперт Ф.А. Патенко.

С просьбой принять участие в судьбе вотяков после первого обвинительного приговора к нему обратились корреспонденты местных малмыжских газет. «Необходимо было, – пишет в воспоминаниях А.Н. Баранов, – чтобы такой писатель громко и горячо, со всей силой таланта крикнул: «да посмотрите же сюда, в этот глухой, далекий угол, ведь здесь творится ужасная, жестокая возмутительная несправедливость – здесь гибнут совершенно невинные люди. Помогите!» [18, с. 617].

Ознакомившись с представленными материалами и изучив большой массив специальной литературы, посвященной верованиям удмуртов, он дал согласие принять участие в деле, которое после отмены первого приговора рассматривалось в г. Елабуге. Но суд отказал ему в этом. Он смог выступить только на последнем, третьем судебном процессе, закончившимся, как известно, оправдательным приговором.

Но лучше всего, пожалуй, обратиться к его статьям, которые безусловно оказали влияние на процесс, поскольку в них открыто говорилось об обвинительном уклоне, нарушении принципов правосудия, наконец, отсутствии доказательств основного обстоятельства, на чем базировалось следствие, – практики у вотяков человеческих жертвоприношений в конце XIX в.

Как нам кажется, достаточно точно охарактеризовал публикации В.Г. Короленко читатель, пожелавший остаться анонимным. В отклике на статью писателя [23, с. 459–460] в «Русских ведомостях» он пишет: «Чрезвычайно сильное впечатление производит В.Г. Короленко… Обвиняемые (православные вотяки) оба раза признаны виновными: установлен, таким образом, факт существования среди христианского по имени населения человеческих жертвоприношений! Если усомниться в действительности этого факта – а для сомнения представляется немало оснований, – то приходится признать дважды повторенную судебную ошибку, происшедшую отчасти по вине следственной и судебных властей, не обеспечивших за подсудимыми всех средств к оправданию, отчасти по вине полиции, вымогавшей показания у подсудимых, и свидетелей <…> Не только обвиняемые по мультанскому делу, но и один из главных свидетелей два раза повторяли на суде, что показания у них вынуждались самыми незаконными средствами… Всего поразительнее в сообщениях В.Г. Короленко то, что жестокие действия полиции являются не случайностью, а как бы частью установившейся системы…»

Короленко В.Г. не боялся вступать в бескомпромиссную полемику не только с властью, но и с другими авторами, разделявшими точку зрения правоохранительных органов. В этом смысле показательной является статья В.Г. Короленко «О суде, о защите и о печати (по поводу одной книги)». В данном случае речь идет о книге Е.И. Козлининой «За полвека. 1862–1912 гг. Воспоминания, очерки, характеристики» (издание имеет подзаголовки, один из которых – «Пятьдесят лет в стенах суда») (М., 1913). Автор не только исказила роль В.Г. Короленко по мултанскому делу, но и весь смысл последнего. В частности, она утверждала: «К этому же приблизительно времени (ко времени рассмотрения дела. – прим. автора) относится вновь усвоенная адвокатурой манера раздувать уголовные процессы.

Прежде всего, таким образом, было раздуто дело мултанских вотяков, целое село которых обвинялось в принесении человеческой жертвы.

В сущности же это дело, действительно страшное, было как нельзя более простое. Язычники-вотяки, заселяющие вятские лесные дебри, и приняв православие, о котором имели самое смутное понятие, продолжали совершать свои языческие обряды, в числе которых было и жертвоприношение двурокого, кровь которого была нужна для совершения некоторых обрядов.

Но однажды, совершив этот обряд, они оплошали и не позаботились подальше убрать труп убитого нищего, а бросили его на проселочной дороге, где на него

и наткнулось случайно ехавшее начальство, которое и возбудило по этому поводу дело» [23, с. 452].

Короленко В.Г., не отвечая на обвинения в собственный адрес, пишет, что первые статьи, имевшие целью привлечь внимание к делу и сделать из процесса громкое судебное разбирательство, были опубликованы в «Волжском Вестнике» и имели чисто обвинительный характер, были инспирированы честолюбием прокуратуры. «Защита в лице М.И. Дрягина, малоизвестного тогда частного поверенного Сарапульского окружного суда, скромно и тихо делала свое дело. И если господину М.И. Дрягину одному не удалось разорвать на глазах у присяжных сеть судебной интриги, опутавшей его несчастных клиентов, то все же настоящей его заслугой, прямо подвигом является то обстоятельство, что он сумел, наконец, довести изнанку этого дела до Сената. Общество, печать и столичная адвокатура в лице Н.П. Карабчевского сделали остальное» [24, с. 305].

Характеризуя дело, В.Г. Короленко особо обращает внимание на то, что «обвинение загромоздило судебное следствие показаниями о слухах, неизвестно откуда исходящих. Это были не просто слухи, а слухи о слухах. Сенат привел это прямое нарушение закона как мотив отмены первого приговора. Но что же? Слухи о слухах остались в обвинительном акте и на этом основании товарищ прокурор воспроизвел в своей речи, например, показание свидетеля Львовского, который слышал данное обстоятельство от неизвестного ему вотяка... И на этом-то сведении основано между прочим объяснение одного из важнейших обстоятельств дела – появление обезглавленного трупа на дороге». «Можно было ожидать, – указывает далее писатель, – что после первой кассации приговора Сарапульский окружной суд поймет, что перед ним дело, в правильном исходе которого заинтересовано не одно обвинительное или защитительное честолюбие, но вся Россия! Что приговор по этому делу будет приговором не над обвиняемыми только вотяками, но и над школой с. Старый Мултан, и над священником, 40 лет уже проповедующим в этом храме (в вызове которого защите отказано), и над всей нашей культурной миссией среди инородцев» [19, с. 369].

Надо сказать, что к роли В.Г. Короленко в оправдании невиновных не иссякает интерес до настоящего времени, современные исследователи обращают внимание на ряд моментов: 1) честность журналиста; 2) роль средств массовой информации в жизни общества; 3) злоупотребления власти; 4) неправедность следствия и суда; 5) роль суда присяжных в отправлении правосудия; 6) распространение культуры в России и влияние русской культуры на культуру малых народностей и др.

Кажется, участие В.Г. Короленко в деле характеризуют не столько слова об этом, сказанные многими. Лучшее представление дает бесхитростная картинка, описанная в воспоминаниях А.Н. Баранова: «...я видел на квартире защитников, как дедушка Акмар, 70-летний старик, переодетый уже из арестантского халата в домотканный кафтанчик, маленький, с наивными как у ребенка глазами, – обнимал Владимира Галактионовича и, растроганный, со слезами, трепал его любовно старческой рукой по плечу» [18, с. 618].

– Почему стало возможным «мултанское дело»?

– Ряд причин, на наш взгляд, очевиден, что называется «лежит на поверхности». Это несовершенство отправления правосудия (хотя дело уже рассматривалось после судебных реформ 1864 г., вводивших новые системы судоустройства и судопроизводства); полицейский произвол, мздоимство, карьеризм чиновников; безграмотность населения, отягощенная предрассудками и др.

Другие факторы обусловлены проводившейся во второй половине XIX в. национальной политикой и лежат в этноконфессиональной плоскости. Местные светские и церковные власти боролись с языческими верованиями и связанными с ними обрядами (например, как у вотяков – моления в родовых куалах (шалашах), приношение языческим богам домашних животных), используя для этого административный ресурс, вплоть до предания суду и назначения суровых наказаний. «Мултанское дело, – пишет Л.С. Шатенштейн, – было вызвано стремлением

местных судебных властей, опирающихся на национальную политику государства, использовать удачно сложившиеся обстоятельства, чтобы, инсценируя жертвоприношение, убедить общественность в существовании у удмуртов языческих культов, «доказать» якобы естественную неполноправность их с русским народом и тем самым оправдать чрезмерное угнетение удмуртов, держать их подальше от культурной, общественной и политической жизни» [2, с. 7].

Надо сказать, «мултанское дело» послужило серьезным испытанием для российского судопроизводства, для всей судебной реформы в годы нарастающей политической реакции XIX в.

Список источников

1. Джераси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. С. 243–274.

2. Шатенштейн Л.С. Мултанское дело. 1892–1896 гг. Ижевск, 1960. С. 5.

3. Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам / сост. А.Н. Барановым, В.Г. Короленко и В.И. Суходоевым. М.: Тип. «Рус. вед.», 1896.

4. Воронцов В.С. «Дело глубокой темноты»: священнослужители об обстоятельствах мултанского дела // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № 3. Т. 14. С. 484–490.

5. Гибадуллина Н.М.Н., Гибадуллин Р.М. Профессор И.Н. Смирнов в «мултанском процессе» – «триумф» и трагедия ученого // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 5(31): в 2 ч. Ч. II. С. 44.

6. Богаевский П. Мултанское «моление» вотяков в свете этнографических данных. М., 1896. С. 96.

7. Южаков С.Н. Человеческое жертвоприношение в Малмыжском уезде // Русское богатство. 1895. № 6. С. 156.

8. Южный край. 1896. № 5207.

9. Врач. 1896. № 12.

10. Беллин Э.Ф. Судебно-медицинская экспертиза в деле мултанских вотяков, обвиняемых в принесении человеческой жертвы языческим богам. СПб., 1896.

11. Патенко Ф. По поводу статьи ч. пр. Э.Ф. Беллина. Харьков, 1896.

12. Беллин Э.Ф. Ответ г. профессору судебной медицины Ф.А. Патенко, на статью его, написанную по поводу моей судебно-медицинской экспертизы по делу о Мултанских вотяках, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам // Труды Харьковского медицинского общества за 1896 г. Харьков, 1896.

13. Больничная газета Боткина. 1896. 22 мая.

14. Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона: сб. документов. Хоккайдо, 2002. С. 188–189.

15. Короленко В Г. Полное собрание сочинений: в 9 т. Пг., 1914. Т. 9. С. 343.

16. Короленко В.Г. Избранные письма: в 3 т. М., 1936. Т. 2. С. 193.

17. Карабчевский Н.П. Речи. 1882–1902. СПб., 1902. С. 391.

18. Баранов А.Н. Из воспоминаний о Мултанском деле // Вестник Европы. 1913. Сент. С. 617.

19. Короленко В.Г. Полное собрание сочинений: в 9 т. Пг., 1914. Т. 4. С. 294.

20. Короленко В.Г. По поводу доклада священника Блинова (Новые факты из области человеческих жертвоприношений) // Русское богатство. 1898. № 9. С. 186.

21. Кони А.Ф. Сочинения: в 5 т. М., 1955. Т. 5. С. 491.

22. Горький М. О литературе. М., 1955. С. 411.

23. Козлинина Е.И. За полвека. 1862–1912 гг. Воспоминания, очерки, характеристики. М., 1913. С. 452.

24. Короленко В.Г. О суде, о защите и о печати (по поводу одной книги) // Полное собрание сочинений. Пг., 1914. Т. 8. С. 305.

References

1. Dzherasi R. Okno na Vostok: imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii. M., 2013. S. 243–274.

2. Shatenshtejn L.S. Multanskoe delo. 1892–1896 gg. Izhevsk, 1960. S. 5.

3. Delo multanskih votyakov, obvinyavshihsya v prinesenii chelovecheskoj zhertvy yazycheskim bogam / sost. A.N. Baranovym, V.G. Korolenko i V.I. Suhodoevym. M.: Tip. «Rus. ved.», 1896.

4. Voroncov V.S. «Delo glubokoj temnoty»: svyashchennosluzhiteli ob obstoyatel'stvah multanskogo dela // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2020. № 3. T. 14. S. 484–490.

5. Gibadullina N.M.N., Gibadullin R.M. Professor I.N. Smirnov v «multanskom processe» – «triumf» i tragediya uchenogo // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2013. № 5(31): v 2 ch. Ch. II. S. 44.

6. Bogaevskij P. Multanskoe «molenie» votyakov v svete etnograficheskih dannyh. M., 1896. S. 96.

7. Yuzhakov S.N. CHelovecheskoe zhertvoprinoshenie v Malmyzhskom uezde // Russkoe bogatstvo. 1895. № 6. S. 156.

8. Yuzhnyj kraj. 1896. № 5207.

9. Vrach. 1896. № 12.

10. Bellin E.F. Sudebno-medicinskaya ekspertiza v dele multanskih votyakov, obvinyaemyh v prinesenii chelovecheskoj zhertvy yazycheskim bogam. SPb., 1896.

11. Patenko F. Po povodu stat'i ch. pr. E.F. Bellina. Har'kov, 1896.

12. Bellin E.F. Otvet g. professoru sudebnoj mediciny F.A. Patenko, na stat'yu ego, napisannuyu po povodu moej sudebno-medicinskoj ekspertizy po delu o Multanskih votyakah, obvinyavshihsya v prinesenii chelovecheskoj zhertvy yazycheskim bogam // Trudy Har'kovskogo medicinskogo obshchestva za 1896 g. Har'kov, 1896.

13. Bol'nichnaya gazeta Botkina. 1896. 22 maya.

14. Vesna narodov: etnopoliticheskaya istoriya Volgo-Ural'skogo regiona: sb. dokumentov. Hokkajdo, 2002. S. 188–189.

15. Korolenko V G. Polnoe sobranie sochinenij: v 9 t. Pg., 1914. T. 9. S. 343.

16. Korolenko V.G. Izbrannye pis'ma: v 3 t. M., 1936. T. 2. S. 193.

17. Karabchevskij N. P. Rechi. 1882–1902. SPb., 1902. S. 391.

18. Baranov A.N. Iz vospominanij o Multanskom dele // Vestnik Evropy. 1913. Sent. S. 617.

19. Korolenko V.G. Polnoe sobranie sochinenij: v 9 t. Pg., 1914. T. 4. S. 294.

20. Korolenko V.G. Po povodu doklada svyashchennika Blinova (Novye fakty iz oblasti chelovecheskih zhertvoprinoshenij) // Russkoe bogatstvo. 1898. № 9. S. 186.

21. Koni A.F. Sochineniya: v 5 t. M., 1955. T. 5. S. 491.

22. Gor'kij M. O literature. M., 1955. S. 411.

23. Kozlinina E.I. Za polveka. 1862–1912 gg. Vospominaniya, ocherki, harakteristiki. M., 1913. S. 452.

24. Korolenko V.G. O sude, o zashchite i o pechati (po povodu odnoj knigi) // Polnoe sobranie sochinenij. Pg., 1914. T. 8. S. 305.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 21.08.2025; принята к публикации 22.08.2025.
The article was submitted 21.07.2025; approved after reviewing 21.08.2025; accepted for publication 22.08.2025.

Информация об авторах
Е.М. Меркачева – обозреватель газеты «Московский комсомолец», член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (Россия, 125993, г. Москва, ул. 1905 года, 7, стр. 1);
А.И. Чучаев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Россия, 119991, г. Москва, ул. Знаменка, 10).

Information about the authors
E.M. Merkacheva – columnist for the Moskovsky Komsomolets newspaper and a member of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights (Russia, 125993, Moscow, 1905 Goda St., 7, build. 1);
A.I. Chuchaev – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, and Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Criminology at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, 119991, Moscow, Znamenka Street, 10).